

В.В. КОЛБАНОВСКИЙ

**«ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КОЛЛЕКТИВНОЙ
МОНОГРАФИЕЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.Б. ГОФМАНА**

Теория и история вопроса

В монографии «Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики» [11], которая представляет результат теоретической и эмпирической работы большого коллектива авторов, объединенных А.Б. Гофманом, уже в первой главе ставится вопрос: «От какого наследства мы не отказываемся?» В своем эссе я постараюсь проанализировать ответы на этот вопрос, содержащиеся в монографии, и одновременно очертить свое видение этого вопроса. Таким образом, моя статья — не только и не столько рецензия на книгу, сколько размышления над поставленными в ней вопросами.

В предисловии редактор книги А.Б. Гофман отмечает, что проблема социокультурных трансформаций в России является сегодня первостепенной: «...одних поражает, возмущает или восхищает размах сути этих трансформаций. Другие полагают, что их вообще нет, а имеет место сохранение прошлого, откат к нему, хождение по кругу, ситуация, когда “мертвый хватает живого”. Последнее мнение находит поддержку в распространении различных форм традиционализма в современном российском обществе» [11, с. 5].

Россия мучительно, сложно и противоречиво выходит из одного общественного уклада, который, по мнению ряда социологов, был преимущественно традиционалистским или даже «рецидивирующим традиционализмом», и трансформируется в иной уклад, который, как бы его ни обозначать — либерализационный или модернизационный, является инновационным по отношению к исходному. Поэтому предмет исследования монографии находится «на направлении главного удара» социального познания, а сама проблема «традиции и инновации» является своеобразной «клеточкой» социологического анализа — весьма интересной, перспективной и плодотворной.

Отмечу три основных достоинства монографии. Во-первых, серьезную теоретическую проработку вопроса. Она содержится в первом разделе «Теория, история, современность», написанном А.Б. Гофманом, но также — с постоянной опорой на мировую и отечественную литературу — и

Колбановский Варлен Викторович — кандидат философских наук, ведущий сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

у других авторов монографии. Во-вторых, заслуживают внимания как богатый эмпирический материал собственных исследований авторов книги, так и осмысление результатов исследований ведущих российских социологов. В-третьих, отмечу объективный (но отнюдь не объективистский) подход к проблеме. В предисловии отмечается, что книга не претендует на окончательные и исчерпывающие ответы на поставленные в ней вопросы. «Собственно, именно такие, как правило, и дает наука, в отличие, скажем, от идеологии, или, если угодно, от других форм идеологии. При этом мы стремились максимально, насколько возможно, избежать предвзятости и политической ангажированности, явно или неявно влияющих на обсуждение такого рода проблем» [11, с. 5].

В самом деле, «дуальные оппозиции» типа традиция — это плохо и косно, инновация — хорошо и прогрессивно, все советское — плохо, все постсоветское — хорошо или *vice versa* ни на йоту не продвигают социологическую мысль и свидетельствуют лишь об идеологической (консервативной, либеральной, право- или леворадикальной) ангажированности их авторов.

В книге рассматриваются следующие темы:

- историко-культурные и теоретические аспекты — раздел I;
- взаимодействие и динамика традиционных и инновационных элементов:
  - в трудовой и управленческой культуре — раздел II,
  - в экономическом сознании и экономическом поведении — раздел III,
  - в политическом и гражданском сознании — раздел IV,
  - в моральных и религиозных ценностях и практиках — раздел V.

Давая определение основному понятию, А.Б. Гофман пишет: «В общем виде под традициями мы понимаем социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [11, с. 18]. Различаются объекты социокультурного наследия, процессы наследования и его способы. В круг традиций входят: определенные культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили. Все это составляет основные элементы и результаты коллективной памяти обществ и социальных групп, обеспечивая их самотождественность и преемственность в их развитии. Набор культурных образцов образует ценностно-нормативное ядро общества и обозначается как «коллективное сознание» (Э. Дюркгейм), «генерализированные универсалистские нормы», «структурированный нормативный порядок» (Т. Парсонс), «гражданская религия», «публичная религия».

Типология традиций разнообразна — это традиции-инерции, (воспроизводство привычного порядка вещей), традиции-ностальгии («о старом добром времени»), традиции-реставрации (восстановление реального или мифического прошлого), традиции-ритуалы, традиции-константы, традиции-обычаи («новое вино в старых мехах»).

Это и исторический процесс изменения (модернизации) самой традиционности. «Если в традиционных обществах доминирует инерция, следование заветам предков, традиции привычки, которые 1) установлены раз и навсегда, более или менее неизменны и однозначны, 2) интерпретируются специальными хранителями традиции (жрецами, священниками, правителями), то теперь они а) подвижны б) свободно интерпретируются самими разнообразными социальными субъектами» [11, с. 26].

И, наконец, это более подвижное и изменчивое соотношение самой традиции и инноваций, которые сегодня образуют неразрывное единство: они превращаются друг в друга и не могут существовать друг без друга. «Традиционные инновации» и «инновационные традиции» — это не *contradiction in adjecto*, а «взаимозависимые, взаимодополняющие и взаимопроникающие факторы социокультурных изменений» [11, с. 27].

Изложенная вкратце концепция А.Б. Гофмана представляется мне достаточно обоснованной. В самом деле, традиция и инновация находятся в соотношении (и я не побоюсь этого слова!) *диалектических парных категорий*, они есть (хотим мы этого или не хотим) *единство и борьба противоположностей*. Единство — потому что одно не бывает без другого, и не только на сегодняшний день, но и на «заре времен», борьба — потому что одно переходит в другое: инновация традиционализируется, приобретает социальную власть над людьми, традиция ветшает и дряхлеет, утрачивая свою социальную силу, но при определенных (благоприятных для нее социальных и культурных условиях) может воспрянуть вновь и обернуться псевдоинновацией (примером тому служат многочисленные повторы традиционализма в тоталитарных режимах, которые, как это отмечается в книге, Томас Манн очень точно и образно назвал «взорвавшейся архаичностью»).

Традиция и инновация действительно представляют собой могущественную *социальную силу* и обладают длительной (иногда над многими поколениями людей) социальной властью. Отличие их от других социальных связей и механизмов в том, что для них не требуется особого аппарата насилия и принуждения, особых социальных структур, их укореняющих. Они, прежде всего, представляют *интеллектуально-эмоциональную силу*, владеют *умами и сердцами* людей, и уже в качестве таковой силы способны либо поддерживать, либо отвергать социальные структуры и институты. Вот почему для традиции

адекватны дюркгеймовские понятия — «коллективное сознание», «коллективная память» так же, как для инновации — «коллективный проект», программа, прообраз. Вот почему не утратило своего глубокого социологического значения положение К. Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [7, с. 119].

Можно назвать следующие источники и составные части, из которых формируется как традиция, так и инновация. Во-первых, каждая из них имеет естественно-историческое происхождение: они спонтанно вырастают из тех «обстоятельств», которые даны людям и перешли к ним из прошлого. Традиция направлена на сохранение, продолжение, воспроизводство этого «светлого прошлого», инновация — на его частичное или полное разрушение, на перерыв постепенности, на штурм «светлого будущего».

Во-вторых, традиция и инновация, являясь «бульдозерами», понятийными «машинами», соотносятся с еще более сложными категориями — социальностью (как совокупностью отношений в процессе деятельности), культурой (как способом самой деятельности) и субъектом (актором деятельности) [5, с. 30–31]. Из этих трех звеньев — бытийного, информационного и субъектного — фактически складываются как традиция, так и инновация: они возникают в определенной исторической среде, они всегда имеют своего социального носителя — исторического субъекта (клан, этнос, сословие, класс и т. д.), который их либо яростно поддерживает, либо столь же яростно отвергает. Традиции и инновации можно рассматривать в качестве переносчиков социального взаимодействия между людьми и между различными поколениями людей. Необходимо подчеркнуть, что эти взаимодействия имеют *диаметрально* противоположную направленность: традиция обеспечивает механизм отрицательной обратной связи (выход < вход), обуславливающей простое воспроизводство, гомеостазис, равновесность, непрерывность и континуальность, «порядок» системы; инновация обеспечивает механизм положительной обратной связи (выход > вход), неравновесность, *расширенное* воспроизводство, неустойчивость, дискретность, «хаотизацию» социальной системы и возможность ее трансформации в более сложную или сверхсложную систему.

Проблемы традиции и инновации связаны с такими вопросами общесоциологической теории, как понимание процессов традиционализации и либерализации, понимание самого традиционализма и либерализма (модерна) в качестве крупных социетальных систем, но эта

проблематика требует особого детального разбора. Также специального внимания заслуживает глубокий историко-социологический анализ истории вопроса, проделанный А.Б. Гофманом: от первых теоретиков консерватизма, «сознательных традиционалистов» — Эдмунда Бёрка, Луи де Бональда, Жозефа де Местра, уповавших на «невидимую руку традиции», до прогрессистского традиционализма Огюста Конта и либерализма Герберта Спенсера («невидимая рука эволюции»). Особенно подробно и интересно анализируются взгляды Макса Вебера и французской социологической школы — Эмиля Дюркгейма, Марселя Мосса, Мориса Хальбвакса. Но эта проблематика также остается за рамками данного эссе.

**Современность — досоветское и советское:
от революционного к традиционному**

В начале своего анализа современности А.Б. Гофман ставит вопрос следующим образом: был ли советский период радикальным разрывом с прошлым или же, несмотря на кровавый характер революции и гражданскую войну, в нем имеет место фундаментальная преемственность? Несмотря на радикализм большевистского проекта, отмечает А.Б. Гофман, «25 октября 1917 года система традиционных социальных институтов, существовавших до февраля этого же года, *себя восстановила*. Произошел поворот на 360 градусов, и новые люди, большевики, самоотверженно и беспощадно боровшиеся с царским режимом, продолжили его же старую “генеральную линию”» [11, с. 29].

В чем это выразилось? Во-первых, в беспрецедентной по масштабам и степени этатизации, централизации и концентрации социально-экономической, политической и культурной сфер. Система управления экономикой через отраслевые министерства и «главки» (скопированная Лениным с военной экономики Германии) как инновация продолжила и многократно усилила достаточно древнюю российскую традицию полного государственного контроля над промышленностью и другими сферами социально-экономической и культурной жизни. Во-вторых, в свирепости и бездарности культурной политики. Хаос, абсурд и неразбериха, бюрократическое прожектерство под видом планирования в полной мере проявились в политике по отношению к прошлому, к социокультурному наследию. В-третьих, в весьма низком инновационном потенциале советского общества, что, в конце концов, привело к фундаментальному отставанию в 1960–1980-х гг. социально-экономической сферы от индустриально развитых стран.

Этот раздел книги завершается заключением, что в СССР проект «модернизация» имел успех в определенных областях (урбанизация, образование, естественные и технические науки, некоторые отрасли промышленности, прежде всего оборонные и связанные с ними). Но

он был осуществлен ценой колоссальных усилий и жертв, быстро достиг своего предела и остановился.

«Что касается социально-политической, правовой, управленческой, гражданской сфер, то здесь, под инновационной оболочкой или без нее, советский режим был прямым продолжением или воспроизведением царского, а в некоторых аспектах был еще архаичней последнего. Вместе с тем он был отступлением от подлинно инновационных принципов, вызревавших в России на рубеже XIX–XX вв. и провозглашенных Февральской революцией 1917 года» [11, с. 37].

В сказанном содержится очень много верного, равно как и дискуссионного. «Кричащие противоречия» советского периода указаны точно, но необходимо их *причинное* объяснение. *Почему* стал возможен и *почему*, в конечном счете, обанкротился большевистский «проект»?

Краткий ответ (прибегая к терминологии классиков) можно сформулировать так: в советский период возникло, развивалось и дошло до величайшего напряжения социальное противоречие между *рациональной* (инновационной и революционной) *формой* и *иррациональным* (традиционным и консервативным) *содержанием*, противоречие, охватившее все сферы — социально-экономическую, политическую, культурную — и самого социального субъекта.

В 1922 г. великий российский социолог Питирим Сорокин (сразу после изгнания) издал в Праге небольшую брошюру «Современное состояние России» — часть задуманной им работы о социологии и революции. По итогам пяти лет советской власти он делает вывод: «Вместо создания более совершенной системы общества под именем коммунизма и государственного капитализма был введен архаический строй *государственного рабства*, характерный для древних деспотических организаций» [10, с. 441]. «...Рабочие и крестьяне попали в положение рабов и крепостных Египта, рабов и илотов Греции, холопов и закрепощенных ремесленников Римской империи, индейцев государства иезуитов, бесправных рабов государства инков» [10, с. 435].

В 1921 г. Ленин выделил в России пять укладов: 1) патриархальное (натуральное) крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство (также крестьянское), 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм. Стратегия Ленина: социализм в союзе с государственным капитализмом вытесняет и перемалывает первые три частнохозяйственных уклада — основу «Сухаревки». В результате этой стратегии за годы советской власти *государственный капитализм стал ведущим укладом*, система государственного рабства (бесправия главных производительных

групп) — универсальной; система наемного рабства физического и умственного труда превысила все мыслимые нормы старой доброй капиталистической эксплуатации; система феодальной крепостнической зависимости хозяйничала в колхозах и по всей сельской России; система прямого физического рабства — на территориях ГУЛАГа; система морального рабства подавляла и обескровливала «мозг и совесть» нации — интеллигенцию, которую Ленин определял более прозаическим понятием.

Ленин в своем анализе многоукладности исходил из статистики, то есть из сущностей первого порядка, и дальше этого не шел. Но, как он сам заметил в «Философских тетрадах», есть еще и «сущности, так сказать, второго порядка».

Именно из них исходил Питирим Сорокин. Он опирался на современную ему социологическую науку, глубокое знание истории. Экономический уклад первых лет советской России оказался однотипным с экономическим укладом самых *архаических* обществ периода *раннего традиционализма*, еще только выходящего из варварства и несущего на себе печать этого варварства, и вместе с тем общим с государственным капитализмом образца Первой мировой войны. *Почему же это произошло?*

Крупная капиталистическая собственность развивалась в России в пореформенный период 1861–1917 гг. Для своего времени это была наиболее передовая, наиболее развитая, наиболее прогрессивная (в том числе в технико-технологическом отношении) форма собственности. В период с февраля по октябрь 1917 г. более *половины* этой российской крупно-капиталистической собственности перешло в руки заморских благодетелей — «благородных союзников» из Антанты. Октябрь довершил остальное. Первоначально «красногвардейская атака на капитал», а затем планомерная «осада твердынь капитала» привели к национализации *любой* крупной собственности и *всех* земель (в том числе и крестьянских). Уничтожение крупной частной собственности породило «спонтанное» всплытие на поверхность традиционных форм собственности — мелкотоварного крестьянского хозяйства, которое при отсутствии нормального рынка стало источником «черного рынка», спекуляции и мешочничества — той же «Сухаревки». Основная масса собственности была сосредоточена в руках государства, то есть политической олигархии, и она пошла (и все 70 лет «колебалась», но не сворачивала) по наиболее упрощенному и в то же время наиболее легкому и выгодному для нее пути: а) исключила мировой и национальный рынок товаров, земли, жилья и т. д. из экономического обихода; б) выстроила командно-административную систему, которая всем повелевала в экономике и культуре, но ни за что не отвечала; в) наконец, вместо рыночного

обмена воссоздала разветвленную систему редистрибутивного распределения, и во главе ее стали номенклатурные редистрибьюторы — высшая партийная и государственная бюрократия. Власть, распоряжающаяся всей собственностью, и собственность, подпирающая и обильно питающая эту власть, — вот практически та «инновация», которой не располагали русские цари и которой располагали лишь цари древневосточные. То, что Макс Вебер называл «султанизмом», расцвело пышным цветом в советский период. (Кстати говоря, Макс Вебер глядел далеко вперед, когда подчеркивал *однотипность* патримонильного господства, султанской деспотии и *бюрократического государственного строя* [1, с. 650].)

Здесь необходимо указать на основное социальное противоречие советского периода. Всякая революция и особенно такая великая, как Октябрьская, *двойственна*: она порождает героический энтузиазм миллионных масс (то, что Э. Дюркгейм удачно назвал «бурлением»), высвобождает веками скованную энергию и инициативу, таланты и способности самых глубоких «низов» человечества; выводит на арену Истории таких акторов, о которых и слыхом было не слыхано; и одновременно порождает такие социальные структуры и институты, которые это «бурление» берут под контроль, канализируют и направляют энергию масс в русло, выгодное и удобное не самим массам, а тем, кто сумел в процессе революции завладеть властью и собственностью. В нашей стране это произошло от имени трудового народа, но за спиной трудового народа и фактически *против* трудового народа.

Я позволю себе привести пророческие слова Льва Толстого: «Если бы и случилось то, что предсказывает Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы: то властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих...» [цит. по: 2, с. 439–440].

«*Распорядители рабочих*» — это и есть та политическая олигархия, которая воздвигает новый деспотизм, новые социальные структуры и институты, вбирающие труд, энергию и инициативу рабочих, крестьян, интеллигенции, подавляющие их и, в конечном счете, «отчуждающие» труд и омертвляющие энергию и идеалы.

Можно сформулировать следующим образом: *инновационные* способы деятельности и системы ценностей советских людей, их *культура* пришли в противоречие с *деспотизмом* организационных форм, структур и институтов, с *социальностью*, которые уже в 1920–1930-е гг. правящая политическая олигархия выстраивает по традиционалистским образцам. Город щедринских градоначальников Глупов в результате революции не канул в вечность, он возродился в «Городе Градове» Андрея Платонова — концентрации «самодурной силы» советской бюрократии [6, с. 136–155; 12, с. 45–71].

Современность — от советского к постсоветскому: старое вино в новых мехах?

Сказанное выше свидетельствует о глубоком *системном* кризисе, об *аномии*, которая началась не в эпоху реформ и не в результате реформ, а гораздо раньше. «Аномия, — утверждает А.Б. Гофман, — в действительности была характерна для всей советской эпохи, то обостряясь, то снова ослабевая» [11, с. 38].

Но кризис культурных ориентиров — это лишь одна сторона *общего* кризиса советской системы. А этот кризис охватил все основные звенья, или подсистемы, данного социума: управленческую (политика), ресурсную (экономика), культурную (интегрирующую), социоструктурную (дифференцирующую)¹.

К 1991 г. крах *управленческой* системы был налицо: «верхи» не могли управлять по-старому (командно-административно), «низы» не хотели подчиняться по-старому (патерналистски).

Ресурсная система истощила себя: страна была накануне продовольственного и товарного кризиса, близкого к ситуации кануна гражданской войны.

Социоструктурная система трещала по всем швам: привилегированные олигархические слои теряли свою партийно-государственную опору, выходили на свет божий воротилы «теневой экономики» и мафии, материальное положение основных производителей слоев резко ухудшалось, а их демократические ожидания не реализовывались.

Наконец, собственно *социокультурная* система — поле взаимодействия традиций и инноваций — перестала играть свою интегрирующую роль: советский пропагандистский официоз обанкротился, новые ценности демократии и гражданского общества только выкристаллизовывались и были далеко не всеобщими. Аномия российского социума не исцеляется за один день августа 1991 года, когда на Лубянке был низвергнут памятник Дзержинскому, а со Старой площади прогнали бывших партократов.

А.Б. Гофман выделяет три основных позиции по отношению к традиции как средству преодоления аномического состояния российского общества:

1. Постсоветская Россия основана на радикальном разрыве с советской социокультурной системой и одновременно ориентирована на возврат к дооктябрьским ценностям России, которую мы потеряли: петровская или допетровская Русь, православие, царизм, ценности Февральской революции (то есть либерально-буржуазные и демократические).

¹ Подсистемы выделяются по Н.И. Лапину, поскольку они имеют «“матричный” характер для любого социума...» [5, с. 30–31].

Советский строй рассматривается как разрыв российской истории, нарушение «естественного», нормального хода. Поэтому разрыв с этим разрывом означает возвращение: а) к «нормальному ходу» этой истории и (или); б) к «нормальному» ходу европейской истории.

2. Постсоветская Россия — прямое продолжение или воспроизведение советской. Это проявляется в ряде аспектов: от сохранения и воспроизводства советской номенклатурной элиты до возрождения и консервации советских культурных образцов, социальных институтов, ритуалов.

3. В массовом сознании и в сознании властвующей элиты присутствуют некоторые культурные константы, традиции, архетипы, заложенные в российской ментальности, которые фатально и однозначно детерминируют особенности российской постсоветской истории [11, с. 39].

А.Б. Гофман подробно анализирует каждую из этих позиций и дает им критическую оценку. Он рассматривает множество взглядов на эту проблему и делает следующий вывод: «В целом, в современной России ситуация с традициями и инновациями, их взаимодействием, отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью, синкретизмом» [11, с. 50].

В конце главы он напоминает истину из Евангелия от Матфея (9: 17): «Не вливают... вина молодого в мехи ветхие, а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливается в новые мехи, и сберегается то и другое».

Можно построить некоторую шкалу традиционности и инновационности, пользуясь этими образами:

1) ортодоксальный либерализм — признает преимущественно инновацию западного образца и игнорирует историческую традицию российского образца. Его девиз «новое вино в новые мехи» совершенно правилен и соответствует евангельской нормативной установке; но откуда, из какой почвы, из каких структур, ценностей и субъектов возьмутся эти необходимые ингредиенты инновации, он не дает вразумительного ответа, а пытается кроить российский мир по американо-европейским лекалам;

2) консервативный либерализм — более осторожен и вдумчив; он пытается вложить новое содержание в старые формы, синкретически соединить вещи мало или трудно соединимые. Чем кончается эксперимент с вливанием молодого вина в мехи ветхие, см. у Матфея;

3) либеральный консерватизм — еще более осторожен. Он лишь за «косметический ремонт» общества, за сохранение старых, «испытанных» общественных традиций, но соединенных с инновационными социальными формами. Если вливать старое вино в мехи новые, оно скорее всего прокиснет;

4) наконец, ортодоксальный консерватизм — поборник и старых общественных форм, и старых традиций, он за то, чтобы держать старое вино в мехах ветхих. Эта традиционалистская комбинация также оказывается нежизнеспособной.

Между тем, совершенно очевиден «тренд» последнего десятилетия именно в сторону традиционализма — мехов ветхих. А.Б. Гофман отмечает, что усиление традиционализма характерно не только для посткоммунистических обществ, но и всех, переживших фундаментальную трансформацию. Это относится и к западноевропейским обществам конца XIX — начала XX вв. — Германии, Франции, Италии [11, с. 47].

Сюда можно добавить и США, в которых консерватизм, или точнее, неоконсерватизм необычайно силен и влиятелен. Необходимо также учитывать, что усиление традиционализма, в конечном счете, привело в Германии, Италии, Испании, Португалии к фашизму, а в оккупированной Европе — к покорности и капитуляции перед фашистами.

А.Б. Гофман пишет: «...в определенном смысле и в определенных пределах рост традиционности и традиционализма в России — явление “нормальное” с социологической точки зрения... <Это явление> выполняет в обществах, в том числе в современном российском, ряд позитивных функций, хотя в определенных формах и обстоятельствах может играть дисфункциональную роль» [11, с. 47].

Россия уже 20 лет совершает переход, транзит, трансформацию от общества *традиционалистского* типа (досоветского и советского) к обществу *либерализационного*, или *модернистского*, типа. Но сам этот переход — исключительно сложный и противоречивый, с постоянными движениями и откатами назад; эта *эволюция* сопровождается *инволюциями*. На страницах «Социологического журнала» я уже приводил диагноз Н.И. Лапина, который мне представляется научно обоснованным. Напомню его еще раз: «К настоящему времени в России возникло переходное кластеризованное общество с ограниченной демократией. Кластеризованность означает множество синкретизмов, либеральных и традиционных компонентов. Либеральные экономические ценности сочетаются с традиционными политическими и этическими. По сути, институционализируется кластеризованное общество, находящееся *между* традиционным и либеральным самостоятельными порядками. Сохраняется опасность его инверсии в российский авторитарный традиционализм» [5, с. 412–413].

Разделяя и поддерживая позиции Н.И. Лапина, в этой же статье я позволил себе усомниться в таких масштабных категориях, как либеральные ценности и порядки, либерализм как особый и наиболее развитый, прогрессивный тип общественной системы. Зрелый либерализм, отмечалось в статье, сохраняет: высокую степень капиталистической

эксплуатации, угрозу региональных и мировых экономических кризисов, угрозу локальных и мировых войн и т. д.

Следовал вывод: «Для зрелой либерализации (пока она находится в рамках капиталистической общественной формы) эти противоречия и угрозы не могут быть разрешены в полном объеме и до конца. Для этого требуется еще более сложный и высокий тип самоорганизации, элементы которого появляются *внутри*, а то и *вопреки* зрелой либерализации. Вопрос о характере этого типа самоорганизации остается открытым, как открыта сама История» [4, с. 147–148].

Все это было написано и опубликовано осенью 2008 г., когда разразился мировой финансово-экономический кризис, продолжавшийся в 2009 г. и уходящий в перспективу последующих годов. Кризис (употребляя энергичное выражение Президента РФ Д.А. Медведева) «шандарахнул» по всем без исключения странам мира, подобно кирпичу, свалившемуся на голову.

Но здесь со страниц великого романа XX века мне слышится бас-профундо: «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится». Мессир Воланд совершенно прав. Поскольку он знает, что все в этом мире «правильно», то и падение кирпича-кризиса имеет свою «правильность», причинность и цикличность, и она была 150 лет назад предугадана неким «посредственным немецким экономистом» по фамилии Маркс. «Мехи» либерального капиталистического мира «протекают» с определенной размеренностью. Спрашивается: новы или ветхи эти «мехи»? Способны ли они вместить постиндустриальное и научно-информационное производство, информационную революцию, сетевые системы? Способны ли они отвести от мира глобальные угрозы, на которые почти полвека назад указал «Римский клуб»?

Ответ напрашивается только один: некогда новые, эти «мехи» достаточно обветшали, и к этой ситуации применимо еще одно положение «от Матфея»: «И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь нашитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже» (Мф. 9: 16).

Эмпирические разделы монографии

Эти разделы представляют безусловный интерес, но требуют особого и детального разбора. Пространство журнальной статьи ограничено, и я лишь только перечислю эмпирические главы.

Раздел II. «Культура труда и управления», глава «Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих» А.Л. Темницкого — результат многолетних исследований и весьма содержательного историко-теоретического анализа. По существу — это и программа, и эмпирия, и основные выводы высокопрофессионального социологического исследования. В нем различаются традиции:

1) универсальные, 2) утраченные дореволюционные, 3) дореволюционные, утраченные в советский период, но воспроизведенные в постсоветское время, 4) утраченные советские традиции (соцсоревнование, энтузиазм в работе, гарантированная занятость), 5) воспроизведенные советские традиции (коллективистские ориентации), 6) устойчиво отвергаемые традиции (инициатива и ответственность в работе), 7) состоявшиеся инновации (страх потерять работу) [11, с. 131–132]. Дискуссионным в этом разделе (как и главе другого автора раздела — В.А. Крылова «Некоторые черты и тенденции управленческих культур российских предприятий») является представление об универсальности такой традиции, как патернализм. Контракт-партнерские отношения представляются авторам раздела более совершенной, эффективной и адекватной современности формой производственных отношений и культуры труда, но именно они внедряются медленно, со скрипом, отвергаются весьма и весьма значительной частью российских рабочих и инженеров. Живучесть патернализма как традиции и значительная слабость и непопулярность контракт-партнерства как инновации являются эмпирическими фактами, и они не нуждаются в опровержении. Проблемой, на мой взгляд, выступает само контракт-партнерство. Является ли эта «инновация» высшей и идеальной формой трудовых отношений и культуры труда? Мировой экономический кризис наглядно демонстрирует, что контракт-партнерские отношения владельца собственности и наемного работника являются не «личной», а «вещной» (рыночной) зависимостью, другой, более тонкой, формой социального неравенства. Владелец собственности в любой момент может поступить с наемным работником точно так же, как барон Тундер-тен-Тронк поступил с вольтеровским Кандидом: он вышвырнул его пинком ноги из своего уютного замка «в мир, открытый настезь бешенству ветров».

Раздел III. «Экономическое сознание и экономическое поведение», главы С.В. Горюновой «Инновационное и традиционное в поведении городского среднего класса» и К.А. Хромова «Мотивы и модели поведения на финансовых рынках». Здесь читатель найдет содержательный материал об экономическом, финансовом, культурном поведении и традициях «среднего класса», к которому авторы относят четверть (25%) экономически активного городского населения России. Основной вывод состоит в том, что у среднего класса наблюдается большая предрасположенность к смещению ценностей от традиционных к модернистским, но в то же время последовательных «модернистов» в среднем классе пока меньше половины [11, с. 222].

Дискуссионно в этом разделе само понимание «среднего класса». У ряда социологов «имеется мнение», что подлинным средним классом в советском прошлом были интеллигенция и высококвалифицированные рабочие. Именно они (а не банковские клерки) могли бы

составить реальный социальный костяк модернизации страны и коренных инновационных изменений. В настоящее время эти большие социальные группы находятся возле или ниже черты бедности, а преуспевающий «средний класс» как основа стабильности и прогресса социума пока и не столь велик, и не столь реален, каким он грежится в либеральных мечтаниях [8].

Раздел IV. «Политическая и гражданская культура», главы О.С. Грязновой «Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура» и А.Ю. Зудина «Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия» построены на анализе многолетних данных ВЦИОМа и Левада-Центра. Основной вывод хорошо сформулирован О.С. Грязновой: «“Новая” элита теснила советские идеологемы смысловыми конструктами, созданными, как коктейль, из дореволюционных и западных ценностей... Однако, как только закончился передел власти и “новая” элита утвердила свою легальность, политические установки российского населения стали возвращаться на базовые позиции: этатизм, патернализм, партикуляризм, политическая пассивность и отчужденность от власти» [11, с. 303].

Шаг вперед — к демократическим инновациям, два шага назад — к дореволюционным традициям — по этой траектории в значительной степени движется не только трудовая, но и политическая культура современной России.

Особое внимание в этом разделе привлекает глава О.В. Ковенева «О старом и новом в практиках гражданского участия: динамика митинга наших дней». Автор анализирует два митинга в Крылатском, проходившие в 2002–2007 гг. (население домов против строительства паркинга). В качестве теоретического основания анализа О.В. Ковенева привлекает «теорию градов» Болтански — Тевено. Всего «градов» шесть: А) традиционные: Град вдохновения (Блаженный Августин), Патриархальный град (Боссюэ), Град репутации (Гоббс) и Б) более модернизационные: Гражданский град (Руссо), Рыночный град (Адам Смит), Технократический град (Сен-Симон). Сюда же примыкает град седьмой — «зеленый», или «экологический» [3, с. 9–14].

Автор главы интересно и тонко прослеживает изменения в аргументации противоборствующих сил — объединения муниципальных властей и «богатеньких буратин» — автовладельцев, с одной стороны, и объединения населения ул. Крылатские Холмы, с другой. И та и другая стороны варьируют на митингах принципы и идеологемы «градов», но в 2007 г. они более сдвигаются в сторону модернизационных. В конечном счете, демократия победила (1079 голосов против и 60 за строительство паркинга). Я думаю, что О.В. Ковенева могла бы на основе своих материалов написать хорошее методическое пособие о

том, как объединенные демократические силы могут легально, грамотно и убедительно перебороть союз бюрократии и богатства — хотя бы на муниципальном уровне. Победа на Крылатских Холмах — это единичный случай, и он не делает погоды. В десятках, если не сотнях реальных «градов», идет организованное наступление на экологию, исторический ландшафт, памятники культуры, музеи, школы, больницы — что называется, «от Москвы — до самых до окраин». Чиновничий и олигархический «беспредел» — это та вековая традиция, которая постоянно реставрируется. Но всякому «беспределу» может быть свой «окорот». И О.В. Ковенева показывает в своей «миниатюре», как это следует делать успешно.

И, наконец, Раздел V. «Религиозные и моральные ценности и практики», главы Л.П. Ипатовой «Современные особенности освоения православной традиции» и Г.А. Сабировой «Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России», а также М.А. Елецкой «Эволюция ценностных ориентаций россиян: положительные и отрицательные герои российских мультфильмов 1980–2005 годов».

Не причисляя себя к специалистам в области социологии религии, остановлюсь лишь на последней главе. Она не только удивительно симпатична, но и доказательна. Опираясь на многолетние исследования наших ведущих социологов и их выводы о сдвигах и изменениях в сознании, ориентациях и поведении россиян, М.А. Елецкая показывает, что герои мультфильмов претерпевают примерно ту же социальную, этическую и психологическую эволюцию, что и их реальные прототипы (сравниваются периоды 1980–1990 и 1991–2006 гг.). Это именно тот классический случай, когда изменение социального бытия продуцирует изменение социального сознания и поведения, что получает свое специфическое отражение на экране анимационного фильма (хотя «взрослые» фильмы этим отнюдь не грешат!).

Проблематика «традиции и инновации в современной России» крайне интересна и актуальна как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении. Пока же мне остается пожелать авторскому коллективу и А.Б. Гофману не останавливаться на полдороге, а продолжить свою плодотворную работу и анализировать проблематику традиций и инноваций на материалах кризисной и послекризисной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко; Коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
2. Гинзбург В.Л. О науке, себе и других. М.: Физматиздат, 2003.
3. Ковенева О.В. Французская прагматическая школа // Социологический журнал. 2008. № 1.

4. *Колбановский В.В.* Антропосоциетальная теория и ее значение // Социологический журнал. 2008. № 3.
5. *Латин Н.И.* Общая социология. М.: Высшая школа, 2006.
6. *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М.: Политиздат, 1957.
8. *Симонян Р.Х.* Средний класс: социальный мираж или реальность? // Социологические исследования. 2009. № 1.
9. Советский простой человек. Опыт социального переворота на рубеже 90-х гг. / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
10. *Сорокин П.* Современное состояние России // Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994.
11. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008.
12. *Шубкин В.Н.* Насилие и свобода. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996.